

М. Саббатини

ВИКТОР КРИВУЛИН НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ. ЗАМЕТКИ О СМЕНЕ ПОЭТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х годов

Государственный университет г. Мачерата, Италия, 62100, Мачерата, ул. Антонио Иллюминати, 4

В контексте второй половины 1980-х годов особое внимание привлекает цикл стихотворений Виктора Кривулина «Новое зрение». Поэт предчувствует масштабные перемены в обществе и во внутреннем состоянии советского человека. Накануне этих перемен поэт понимает, что наступило время распада власти и общества и самой диалектики советской культуры (официальной и неофициальной). Ощущения исчезновения подпольной культуры и чувство «культурного» одиночества привели к определенному стилистическому и тематическому развитию поэзии Кривулина, которое и анализируется в настоящей статье. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: Виктор Кривулин, неофициальная поэзия Ленинграда 1970–1980 гг., новое зрение, перестройка.

VIKTOR KRIVULIN AT THE TURN OF THE EPOCHS. NOTES ON A SHIFT IN POETICS IN THE SECOND HALF OF THE 80'S

M. Sabbatini

University of Macerata, Via Illuminati, 4, c.a.p., 62100, Macerata, Italia

In the context of the 1980s, Viktor Krivulin writes the cycle of poems entitled “The New Vision”. In these lyrics there is a premonition of the important changes in public and private life of the Soviet people. On the basis of these changes poet underlines the role of language, making a comparison between the “reality” of the unofficial literature and the “slogans” of government propaganda. The disappearance of the Underground culture and the sense of “cultural” loneliness are reflected in some stylistic changes in Krivulin’s poetry. Refs 22.

Keywords: Viktor Krivulin, Leningrad unofficial poetry 1970–1980’s, Perestroika, the new vision.

В данной статье мы проследим стилистическое и тематическое развитие творчества Виктора Кривулина параллельно развитию исторических событий второй половины 1980-х годов. Накануне масштабных перемен в обществе Кривулин предчувствует перемены во внутреннем состоянии советского человека. Поэт понимает, что наступило время распада власти, общества и самого языка советской культуры (официальной и неофициальной). В его творчестве заслуживает особого внимания цикл стихотворений «Новое зрение», в котором «новый» взгляд на происходящие события становится неизбежным в условиях исчезновения подпольной культуры и зарождения чувства «культурного» одиночества. Об особой связи поэта с историей культуры и общества очень четко пишет Сергей Стратановский: «Кривулин “открыл” человека исторического, человека, осознающего свою связь с прошлым и знающего, что история осуществляется и через него. В этом корень его поэзии и его общественной деятельности. И его творчество требует осмысления прежде всего в этом аспекте» [1, с. 135].

Прежде чем перейти к подробному изложению основных аспектов поэтики Кривулина на переломе эпох в середине 1980-х годов, стоит кратко напомнить об эволюции творчества поэта, одного из наиболее известных представителей подпольной литературы Ленинграда 1970–1980-х годов. В юношеской поэзии Кривулина были в основном заметны следы влияния авторов XIX в. (особенно Баратын-

ского и Тютчева), серебряного века (акмеисты, Александр Блок и Борис Пастернак) [2, с. 274]. После смерти Анны Ахматовой Кривулин не мог не ощутить внезапного ухода в прошлое опыта акмеизма — его начало вытеснять новое «автоматическое письмо». В период с 1967 по 1970 г. под влиянием этой волны экспериментальной поэзии Кривулин тоже прибегал к практике пародирования и создания абсурдных ситуаций в контексте так называемой «Школы конкретной поэзии» [3, с. 262]. После этого кратковременного поэтического опыта у Кривулина возникает необходимость поставить точку и утвердить собственную поэтику в контексте 1970-х годов. Разрыв с литературной средой поэтов старшего поколения стал очевидным для Кривулина в начале 1970-х годов [4, с. 38]. Пражские события 1968 г. и трагическая смерть Леонида Аронсона в 1970 г. меняли атмосферу в культуре ленинградского подполья. Тут возникает «вопрос о поколении» [5, с. 251], потому что именно в 1970 г. Кривулин отказывается от всего ранее написанного и становится внутренне независимым не только от официальной литературы и государственной идеологии, но и от особых установок своей литературной среды [4, с. 38]. Несмотря на то что уже в середине 1960-х годов к Кривулину пришла первая «широкая известность в узких кругах» [2, с. 272–273], он принадлежит к числу поэтов-семидесятников [6, с. 7]. По словам Е. Тета, «самоназвание “семидесятник” является сигналом особого рода рефлексии у Кривулина и указывает на понимание историчности своей поэзии» [7, с. 19–20].

Как известно, в середине 1970-х годов неофициальная культурная среда в целом осознала себя как единое движение, формирующее новое слово, независимое от языка власти и этим противопоставившее себя культуре официальной [8, с. 100]. Жизнетворчество неофициальных авторов стало общим пространством текстовой и повседневной действительности, и параллельно с этим процессом их поэтическое сознание освобождалось от ангажированной официальной литературы. Это независимое развитие подпольной культуры способствовало освобождению от самой надежды войти в круг официальных писателей и иметь право на публикации. Диалог с иностранными литературами стал постоянным, исследование эволюции забытых и запрещенных тенденций в русской литературе превратилось в необходимое занятие [9, с. 195]. Именно поэтому, как пишет Борис Иванов, со стороны подпольных поэтов и самого Кривулина «в условиях культурной дискриминации игнорировался сам институт дискриминации» [2, с. 276]. Избирая для себя критерии культуры, «вторая культура» последовательно утверждалась через высшее воплощение в искусстве [10, с. 226]. Эта важная веха в становлении поэтики Виктора Кривулина является началом всего ленинградского подполья. Возвращение к истокам и поиск культурных корней становятся центральной темой у Кривулина и вообще в контексте интеллектуального дискурса семидесятых годов. В ранних стихах поэта часто звучат ностальгические ноты, стремление войти в прошлое, религиозный пафос [11, с. 18]. Он показывает значимость антропологической функции «второй культурной действительности» 1970-х годов, подчеркивая независимость и приватность, осознаваемую на фоне дореволюционной литературной традиции XIX и серебряного века. Этот поиск поэта является необходимым мотивом для самоидентификации всей неофициальной среды на фоне традиции русского модернизма [12, с. 223]. Виктор Кривулин считал, что независимое движение должно приобрести организованные формы. Как известно, это вызвало к жизни религиозно-философский и филологический семинары [13, с. 18], квартирные чтения и выставки, самиздатские сборники, журна-

лы и альманахи. Благодаря Кривулину распространялись журналы «37» (1976–1981) и «Северная почта» (1979–1981) [13, с. 218–221]. Когда в конце 1970-х годов поэт, по предложению Сергея Дедюлина, стал соредактором поэтического журнала «Северная почта», подтверждалась важность поэзии в ленинградском контексте независимой культуры [14, с. 74–75].

В конце 1970-х годов для подпольной литературы приходит время первого подведения итогов, и Кривулин активно принимает участие в разных мероприятиях «второй культуры», выражая свое мнение в статьях, докладах на конференциях. Следует обратить особое внимание на краткую речь поэта 13 декабря 1978 г. при первом вручении премии им. Андрея Белого, единственной премии в подпольной культуре советской эпохи:

Мы собрались на вручение премии имени Андрея Белого, которое пародирует другие «большие действия», — а в этом пародировании есть красивый и нежный момент. Нет двух культур, культура — одна, и наш вечер, возможно, ближе к ее сущности, чем широко обставленные действия. В этом будущее наших собраний... [15, с. 252]

Семидесятые годы, по мнению Кривулина, дали новое определение литературе, именно в эти годы произошла «революция поэтического языка» и окончательно вошли в обиход подпольной культуры новые формы [3, с. 245].

В этом плане можно сказать, что Кривулин 1970-х годов действительно был метафизическим поэтом «глубины и высоты, экстаза и восхищения, жалости и дерзновения» [13, с. 63] и играл важную роль в обновлении поэтического языка. Он соединял в себе черты поэта-пророка, как представлено в первых строках стихотворения «Когда придет пора» (1978) о разрушении советской действительности:

...когда придет пора менять названья
центральных площадей
и воздуха единственное знамя
живыми складками пойдет —
какие люди явятся тогда!
какое облако людей
какой народ... [16, с. 45]

В этих стихах поэт предчувствует разрушение советской империи и внутреннее состояние советского человека в конце целой эпохи, предвидит сомнения и страдания людей. По словам Ольги Седаковой, Кривулин часто пишет не хронику, а «желанное пророчество о скором / конце вселенной» [17, с. 239].

В начале 1980-х годов поэт переживает большие перемены в личной жизни и в судьбе второй литературной действительности. Вследствие давления КГБ на Виктора Кривулина, эмиграции Сергея Дедюлина в Париж и Бориса Гройса в Германию в 1981 г. прекратился выпуск журналов «Северная почта» и «37». Перед поэтом со всей остротой встал вопрос о будущем «второй культуры». Здесь снова речь идет о судьбе поколения 1970-х годов; по словам Елены Тета, для Кривулина «категория “поколение” играет ключевую роль при раскрытии понятия историчности» [7, с. 20]. В начале 1980-х годов, несмотря на существенное изменение обстановки в неофициальной литературе Ленинграда, Кривулин не эмигрировал, и под его эгидой укрепились отношения с московским андеграундом. Поэт уже признавал в себе влияние московских концептуалистов. В эти годы он вел поэтическую секцию «Клуба-81».

Здесь Кривулин выступал на многочисленных литературных вечерах и, по словам Бориса Иванова, в «Клубе-81» «находился в привилегированном положении... многие считали себя его учениками или поэтами, испытавшими влияние его личности и творчества». Поэт добился литературного успеха, однако обратим внимание на то, что в середине десятилетия количество самиздатовских публикаций В. Кривулина сокращается. Создается впечатление, что после выхода в 1985 г. «подцензурной» антологии «Круг», где поэт официально опубликовал свои стихи, он готовится к переменам в собственном творчестве [18].

Перемены становятся очевидными в циклах «Новое зрение», «Стихи весны 1987 г.», и «Стихи из Кировского района» [19]. Это уже лирика, написанная в новых культурных условиях и в иных смысловых образованиях поэтики Кривулина [11, с. 15].

В годы перестройки и гласности Кривулин активно участвовал в митингах за демократизацию страны, мог выезжать в Европу — во Францию, в Швейцарию, Германию. Но накануне масштабных перемен поэт уже понимал, что наступает время распада советской структуры власти и общества, а вместе с ними окончательно погибает диалектика советской культуры [4, с. 44]. Угроза цензуры тоталитарного режима внезапно оказалась на грани ухода в прошлое [20, с. 194]. Все эти события, естественно, спровоцировали реакцию и в литературе, но в ситуации краха режима даже та литература, которая обычно противостояла власти, стала реагировать на происходящее противоречивым образом [21, с. 713].

Кривулин, всегда ощущавший себя частью литературного процесса, стал чувствовать отчужденность новой эпохи. Это заметно в стихах «Нет, не пьянит меня воздух, отпущенный сверху...» из вышеупомянутого цикла стихов «Новое зрение» (1986).

Нет, не пьянит меня воздух, отпущенный сверху
Да, я дышу, но когда отовсюду я слышу:
Ну-ка вдохни этот воздух, отпущенный сверху
слышишь — дыши! а иначе... иначе, я слышу...
Что остается еще, как не слышать, когда отовсюду
жирная брызжет свобода пудовыми каплями нефти,
аж задыхаешься — как бы уйти отовсюду,
где я живу и дышу, задыхаясь под запахом нефти [16, с. 134].

Кроме сборника «Новое зрение» в эти годы Кривулин пишет другие интересные циклы стихотворений: «Парадигма» (апрель 1985), «Стихи весны 1987 года», «Стихи из Кировского района» (1987–1988). По словам Сергея Завьялова, «начиная с Перестройки Кривулин, явно понимая, что его поэтика сложилась в исторически иное время, несмотря на изменения, и порой достаточно радикальные, своей манеры, начинает подчеркивать именно это ее отклонение от “нормы”» [5, с. 251]. Необычность исторического контекста перестройки и влияние гласности позволяют установить поэтический мотив, выбранный Кривулиным. В стихах второй половины 1980-х годов уже нет метафизики и восторга 1970-х. В них нет ни щедрости, ни энтузиазма, а только ощущение «исчезновения» [13, с. 63] самой подпольной культуры и чувство безысходного одиночества и бессилия поэта.

Полный голос, как поздно его разрешили!
Вот я криком, казалось бы, криком кричу —
получается шепот, еще и белесый от пыли,
плохо внятный и опытному стукачу... [16, с. 139]

Происходит внезапный перелом. Все, что поэт любил и ценил, исчезает, разрушается система ценностей и идеалов. Все надежды, которые независимые авторы наивно питали во времена развития культурного подполья, «обернулись своей полной противоположностью. Свобода оказалась самой худшей тюрьмой» [13, с. 66].

Говорят о позитивных переменах.
Я почти не выхожу из дому,
погребен под пеплом откровенных
разговоров... Разве по-иному
видалась когда-то мне свобода? [3, с. 134]

В этих стихах у поэта не возникает чувства победы или ощущения освобождения от советской власти. Наоборот, растет ощущение утраты человеческого достоинства. Жестокое и глубокое разочарование охватывает поэта:

Пришло запоздалое снятие запретов,
бумага с печатью, где велено всем
любить замордованных наших поэтов
и трупного тела расстрелянных тем
касаться губами, как будто присягу
на гарнизонном плацу принося...
Дошли до предела. Но дальше — ни шагу:
душа завоевана — вся уже. Вся [16, с. 134].

Для Кривулина спекулятивный прием использования слов, ставших разрешенными, почти «свидетельством благонадежности» в перестроечные времена, выглядит унижительным, потому что те высокие искания, которые служили водоразделом между неофициальными и подцензурными писателями, исчезли [22, с. 388]:

То, что мы говорили на грани
шепота и тюрьмы,
как-то странно звучит по Центральной программе,
словно мы — это больше не мы,
но в устах комментатора слово родное
как дурной перевод
на жаргон воровской, на язык паранойи,
на блатную музыку болот [16, с. 134].

В общем, это положение касалось всего движения ленинградского подполья: «...словно мы — это больше не мы». Исчезала эпоха и целое поколение неофициальных писателей, и именно в этот момент, по словам Бориса Иванова, Кривулин «ощутил себя одиноким перед лицом истории» [2, с. 283].

Негативные впечатления о положении страны, народа и культуры резко усилились именно в цикле стихов «Новое зрение», где весь гражданский пафос и метафизическое переживание поэта выражаются рядом с иронией самопроверки [4, с. 39]: например, обращая внимание на общественный и политический абсурд антиалкогольной кампании Горбачева, Кривулин пишет:

Приказано трезветь. Печальнее приказа
не знаю. Мы росли под сенью пьяной вишни,
в листе религиозного экстаза —
отрезало. Иные силы вышли
наружу из беременной газеты,
и здесь по вечерам у нас одно занятие:
мы натываемся на прежние предметы,
ощупываем и лицо и платье,
не узнавая... Так перемениться
по мановению правящей десницы! [16, с. 139]

Приведенное стихотворение Виктора Кривулина с буквальной точностью воссоздает спор с советской культурной системой. Кривулин замечает, что в это новое время гласности партийные деятели стали произносить те же слова, которые поэты говорили в неофициальной компании примерно уже лет двадцать. В этом смещении ценностей формируются люди новой эпохи, лишённые не только правды, но и любого исторического или идеологического зрения. Происходящие социологические и политические перемены вызывают у Кривулина чувства горечи, разочарования и необходимого иронического ответа в стихах. Поэту теперь стыдно за то, что дорогие ему мысли и слова оказались обесмыслены их демагогическим употреблением.

Конечно... откуда бы?... я не готов
расстаться вот так, по указу,
со связкою машинописных листов,
с годами слежавшимися во фразу,
которая говорит
скорее о том, что хотел бы сказать,
но рот почему-то закрыт,
а если раскроешь — никак не связать
малейшего слова с дословным пробелом...
Не сделать единственным, целым [16, с. 139].

Вместо заключения можно сказать, что именно в стихах «Нового зрения» Кривулин является и лириком, и публицистом [4, с. 38]. Он снова останавливается перед иконой времени и испытывает эстатическую историчность: по словам Седаковой, Кривулин — «очевидец» [1, с. 265], и «каждый момент истории переживается как ее конец, или как один из образов конца» [17, с. 239]. Но в «лирической публицистике» цикла «Нового зрения», почувствовав безысходность своего семиотического пространства и исчерпанность существования «второй культуры», автор также испытывает качественное изменение своего поэтического языка [11, с. 18]. По словам Л.Зубовой, во многих случаях, рассуждая об истории и культуре, он объясняет зависимость тех или иных событий, политических удач и неудач от слова [4, с. 38]. Вместе с тем Кривулин выражает новаторство собственного поэтического языка через категорию истории. Новый художественный язык «как условие вписывания в единство русской поэзии становится возможен только через понимание собственной историчности, то есть путем осознания специфики и неповторимости собственного исторического опыта» [7, с. 31]. Именно поэтому в больших переменах «очевидец» Виктор Кривулин испытывает необходимость выразить свою внутреннюю творческую независимость и остаться прежде всего верным своему кредо «тихой, тайной революции поэтического языка» [3, с. 262].

Литература

1. *Седакова О.* Музыка глухого времени (русская лирика 70-х гг.) // Вестник новой литературы. 1990. № 2. С. 257–265.
2. *Иванов Б.* Виктор Кривулин — поэт российского Ренессанса (1944–2001) // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 270–285.
3. *Каломиров А.* [Кривулин В.] Двадцать лет новейшей русской поэзии (предварительные заметки) // Северная почта. 1979. № 1/2. С. 39–60.
4. *Зубова Л.* Виктор Кривулин: свобода в тесноте стихового ряда // Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 129–163.
5. *Завьялов С.* Тишина и господство бессмертия // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 249–252.
6. *Кривулин В.* Охота на Мамонта. СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 1998. 336 с.
7. *Тета Е.* Традиция и новаторство в поэзии 70-х гг. Виктора Кривулина. Фрайбург (Швейцария): Философский факультет, 2012 (Eingereicht am 15.08.2012 bei der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg — CH). 175 с.
8. *Кривулин В.* Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня (К истории неофициальной поэзии Ленинграда 60–80-х годов) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: сборник статей. СПб.: ДЕАН, 2000. С. 99–109.
9. *Шнейдерман Э.* Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы // Звезда. 1998. № 8. С. 194–200.
10. *Кулаков В.* «Поэзия — это разговор самого языка» (Беседа с В. Кривулиным) // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 223–233.
11. *Житенев А.* Образные коды «другой культуры» в образной поэзии Виктора Кривулина 1970-х гг. // Полигон. 2011. № 4. С. 15–18.
12. *Кривулин В.* Пять лет культурного движения. Связь движения художников с движением поэтов // Часы. 1979. № 21. С. 222–229.
13. *Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А., Иванов Н.* (беседа) «Пью вино архаизмов...». О поэзии Виктора Кривулина. СПб.: Коста, 2007. 94 с.
14. *Кривулин В.* «37», «Северная почта» // Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). СПб.: НИЦ «Мемориал», 1993. С. 74–75.
15. *Кривулин В.* Присуждение премий имени Андрея Белого // Часы. 1978. № 15. С. 250–253.
16. *Кривулин В.* Стихи. II. Париж: Беседа, 1988. 150 с.
17. *Седакова О.* Памяти Виктора Кривулина // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 236–242.
18. *Волчек Д.* Интервью с Виктором Кривулиным // Митин журнал. 1985. № 6. С. 173–191.
19. *Кривулин В.* Стихи из Кировского района // Вестник новой литературы. 1990. № 1. С. 98–107.
20. *Лотман Ю.* О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство — СПб, 2002. С. 191–195.
21. *Саббатини М.* Стихотворение Виктора Кривулина «Что рифмовалось» (1990) — рефлексия кризиса неофициальной культуры // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 710–717.
22. *Скоропанова И.* Между хаосом и культурой. Постмодернистские стихи Виктора Кривулина // Русская постмодернистская литература. М.: Флинта — Наука, 2000. С. 383–389.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Саббатини Марко — доктор филологических наук, доцент; marsabbatini@gmail.com; marco.sabbatini@unimc.it

Sabbatini Marco — Doctor of Philology, Assistant Professor; marsabbatini@gmail.com; marco.sabbatini@unimc.it